Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 3

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
ТЗ7

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

ТЗ7 **Тетради Русской экспертной школы № 3** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 100 с.

ISBN 978-5-98604-626-6

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинарах Школы в марте и апреле 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: как в западной философии возникли идеи о привилегиях меньшинств, где граница, после которой либеральные идеи перерастают в бунт против вероучения и порядка, в каком нравственном состоянии находилось русское общество накануне 1917 года и что такое неоколлаборационизм.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-626-6

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А. , 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

Л. В. Поляков

Власть меньшинства.

Истоки идей о привилегиях меньшинств в западной философии 5

А. Б. Рогозянский

Православие и либерализм 23

С. Ю. Рыбас

Серебряный век и нравственное состояние общества

накануне 1917 года 51

А. Л. Вассоевич

Коллаборационизм и неоколлаборационизм 64

А. И. Кондрашов

Телевидение и нравственность 81

ВЛАСТЬ МЕНЬШИНСТВА

Современные идеи о привилегиях меньшинств имеют достаточно глубокие основания в западной философской мысли. Начнём с самого понятия «меньшинство» и с феномена власти этого меньшинства. К рассмотрению этой темы можно подойти с нескольких сторон.

Известно, что, несмотря на декларируемую власть большинства в современных либеральных демократиях, все они реально функционируют как те или иные формы олигархии, то есть как власть меньшинства, основанная либо на престиже, либо на социальном статусе, либо на деньгах. В современных демократических обществах внешняя форма скрывает это содержание, и обычно оно не проявляется, но чётко фиксируется всеми аналитиками, которые серьёзно изучают политический процесс в современном западном мире. Это первая форма власти меньшинства, которая всегда оспаривается, которая всегда заподозривается, против которой ведётся постоянная борьба, проявляющаяся в самых разных формах, вплоть до карикатурных. Например, во Франции, один из кандидатов в президенты, лидер партии республиканцев Франсуа Фийон, был вынужден вернуть своему другу два костюма, ранее полученных от него в подарок. Ему пришлось это сделать, потому что на этом основании против него развернулась целая информационная кампания, утверждавшая, что получение им двух костюмов — это форма взятки.

Есть и другие формы власти меньшинства. Благодаря тому, что в западных либеральных демократиях существует свобода создания партий и политических организаций, в выборах обычно участвует довольно большое число различных партийных объединений. Свежий

пример — недавние выборы в Нидерландах, в которых принимали участие более 20 партий, 11 из которых набрали от 5 до 18% голосов избирателей. Вследствие такого положения вещей парламентское большинство зачастую состоит из коалиций нескольких небольших политических партий. Поэтому каждый раз, когда в правительстве, сформированном этой коалицией, принимается то или иное решение, оно всегда оказывается компромиссным. Таким образом, даже небольшие партии могут оказывать существенное влияние на принятие судьбоносных для страны решений, а если предложенный проект постановления партию не устроит, она может отказаться за него голосовать, может выйти из состава правительства. Бывают ситуации, когда это действительно происходит, и тогда случается правительственный кризис, назначаются внеочередные парламентские выборы и формируется новая коалиция. Самый яркий этому пример — послевоенная Италия, в которой с 1945 года сменилось уже 61 правительство. То есть за формой, когда голосует и принимает решение парламентское большинство, скрывается содержание, в котором реализуется власть того или иного меньшинства. Эта власть выражается в том, что именно позиция меньшинства оказывается решающей, и, если она не будет принята во внимание, вся коалиция рухнет, наступит правительственный кризис и придётся проводить новые выборы.

Описанная ситуация власти меньшинства характерна для парламентских республик, но и в президентских республиках мы можем обнаружить проявление власти меньшинства, хотя и в другой форме. Известно, что в США двухпартийная политическая система, хотя на деле в этой стране существуют и участвуют в выборах около 30 политических партий. Так исторически сложилось, ещё со времён основания этого государства, что в нём всегда есть две доминирующие партии, и другим партиям проникнуть во властные структуры практически невозможно. Есть специальный термин, который хорошо характеризует политическую систему США, — «дуополия», безоговорочное доминирование двух партий. В системе политической

дуополии право на власть практически всегда разыгрывается между либералами и консерваторами, которые представлены соответствующими партиями. В случае с США либералы — это демократическая партия, консерваторы — республиканцы. Обычно они делят между собой электорат приблизительно в пропорции 35% на 35%. Оставшиеся 30% — это неопределившиеся, колеблющаяся масса, которая периодически голосует то за демократов, то за республиканцев, в зависимости от политической повестки дня. Таким образом, победа на выборах либо демократов, либо республиканцев всегда означает, что у победителя есть лишь *временное* большинство, которое может быть утрачено уже на следующих выборах. Можно возразить, что это как раз и есть настоящая демократия — власть народа, который свободно сменяет своё правительство, если оно его не устраивает. Но дело в том, что в такой системе не предусмотрено досрочных выборов, и даже если правящая партия теряет поддержку большинства, она всё равно продолжает оставаться у власти до определённого срока, хотя на деле она уже выражает позицию меньшинства.

На начало 2017 года в США сложилась достаточно редкая ситуация: все три ветви власти контролируются республиканцами. У них большинство в обеих палатах Конгресса — в Палате представителей и в Сенате. Президент Дональд Трамп тоже представляет республиканскую партию, несмотря на то, что фактически он начинал президентскую гонку как независимый кандидат. В Верховном суде, где заседают девять судей, у республиканцев перевес в один голос. То есть можно сказать, что республиканцы имеют абсолютную власть на федеральном уровне, а значит, опираются на народное большинство. Но в действительности это не совсем так. Во-первых, в США действует особая система выборов главы исполнительной власти — президента. Его избирают не большинством голосов всех граждан США, а большинством голосов в каждом из 50-ти составляющих федерацию штатов. И с Дональдом Трампом, как в своё время и с Джорджем Бушем-младшим, сложилась ситуация, когда он выиграл выборы, получив меньшее

количество голосов в общенациональном масштабе, чем конкурент-демократ. Это очень яркий пример проявления власти меньшинства в стране, которая первой начала строить современную демократию, в стране, которая считает, что именно она призвана указывать путь политического развития всему человечеству. Однако если президент США Дональд Трамп представляет фактическое меньшинство, то отношение к нему «проигравшего большинства» вполне предсказуемо. Оно не считает Трампа «своим президентом». Как правило, в США к новому президенту в первые 100 дней его срока относятся с максимальной терпимостью. Но сейчас мы видим совершенно обратную картину: каждый день новая проблема, новый взрыв общественного недовольства, новый протест тех или иных меньшинств. Чего только стоит один знаменитый «Марш женщин» против Трампа, когда женщины вышли в розовых шапочках со словами, которые неприлично воспроизводить в любой аудитории (хотя в Америке это не считается чем-то из ряда вон выходящим).

Подведём краткий промежуточный итог. В современных западных демократиях, декларирующих власть большинства, фактически обнаруживается завуалированная власть меньшинства. Она проявляется в трёх формах: власть меньшинства олигархической природы; власть меньшинства в парламентских республиках, где коалиции формируются из нескольких партий и где очень часто решение принимается только потому, что одно из меньшинств настаивает на нём под угрозой выхода из коалиции; власть меньшинства в республиках президентского типа (США как самый наглядный пример, где существует двухпартийная система, обеспечивающая лишь *временное* большинство).

Перейдём теперь к власти меньшинства, которая носит иную природу. Она может быть обозначена как власть социокультурных меньшинств, то есть меньшинств, которые образуют отдельные социальные, этнические, сексуальные, религиозные и прочие «культурные группы», претендующие на то, чтобы оказывать политическое влияние

на власть. В данном случае мы будем говорить о власти меньшинства, которое претендует не просто на законность, но и на моральную легитимность. Такая власть уже не маскируется под власть большинства, она прямо утверждает, что меньшинство имеет властное право именно потому, что оно — меньшинство. Как же возникла эта идея, идущая явно вразрез с философской и политической аксиоматикой современной либеральной демократии? Ведь эта аксиоматика утверждает неотъемлемые права человека и представляет общество как сумму равноправных индивидов, принимающих решения *большинством* голосов.

Для того чтобы понять эту дилемму, начнём издалека. В средневековом феодальном мире, в его социальной и политической практике, такое понятие как «права человека» отсутствует. Представление о людях как о равноправных членах сообщества существует в этот период только в одном специальном смысле — в христианском. Согласно максиме христианства, все люди равны между собой перед Богом, поскольку они созданы по образу и подобию Божьему. Существует представление о том, что каждый человек являет собой конкретное воплощение того или иного социального статуса, того или иного социального сословия, той или иной социальной корпорации. Не существует «человека вообще», а существует крестьянин, причём разного типа крестьянин (зависимый, независимый), существует ремесленник, который состоит в той или иной городской корпорации, существует дворянин и т. д. Так, именно корпоративное положение ремесленника наделяет его определённым набором прав, и, до тех пор, пока он находится внутри этой корпорации, он обладает этими правами. Как только человек выпадает из этого корпоративного устройства, он превращается в изгоя, социальное ничто. Это даже не «бомж» в современном понимании, это гораздо хуже. Мы в нашем современном обществе не перестаём терять уважение к человеку без определённого места жительства, даже при всей возможной брезгливости и всем, с чем это может быть связано. Мы понимаем, что это такой же человек, как и мы сами, имеющий такое

же достоинство (это очень важное слово, мы вернёмся к нему позже) и не потерявший свои основные социальные и политические права. В социальном мире Средневековья, в феодальном мире, человек, выпадающий из своего сословия, фактически превращается в ничто, и самый наглядный тому пример — знаменитое английское «огораживание», о котором часто говорят, что «овцы съели людей».

Здесь можно вспомнить и ещё один пример — традиционное индийское кастовое общество. В сегодняшней Индии точно так же, как и сотни лет назад, существуют 4 основные «варны»: брахманы (священники), кшатрии (воины), вайшьи (ремесленники), шудры (слуги), и ещё множество промежуточных каст между этими четырьмя, а также каста «неприкасаемых». По всей видимости, идея о том, что человек изначально маркирован принадлежностью к определённой социальной группе и обладает правами только в силу того, что он имеет коллективную, а не персональную идентичность, очень глубоко укоренена в индоевропейской культурной традиции.

Ситуация меняется, когда в середине или, по некоторым оценкам, в начале XVIII века начинается эпоха Просвещения. Что такое Просвещение? На этот вопрос в том же веке оригинально ответил философ Иммануил Кант: «Это выход человечества из состояния несовременнолетия, в котором оно находится по собственной вине». Красивая и остроумная формула, но оставляющая в стороне смысл самого термина. Ведь буквально «просвещение» означает «внесение света во тьму». Казалось бы, такая глубоко христианская метафора. В Библии, в книге Бытия, можно прочесть: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Но на самом деле, то, о чём говорили лидеры Просвещения, — это антихристианская метафорика, потому что, согласно их логике, тьмой является предыдущая эпоха — Средневековье. Неслучайно потом в историографии, в первую очередь в западной историографии, эта эпоха имеет название не только «Средние века», но и «Тёмные века». Но какова причина этого «затемнения»? С точки зрения идеалов Просвещения, главная причина — в религиозности. То

есть вера в этом представлении — это то, что затмевает, не несёт свет, а то, что закрывает человеческий разум и лишает его способности видеть мир таким, каков он есть на самом деле.

Вместе с эпохой Просвещения (то есть вместе с освобождением разума от пелены веры) приходит идея, согласно которой нужно обратиться к человеку как таковому. Вместо того, чтобы в каждом человеке видеть проявление его корпоративной, социальной, групповой природы, нужно смотреть на человека как на уникальное существо, обладающее набором неотчуждаемых прав, поскольку человек является высшей ценностью сам по себе. Это вполне логичный вывод, потому что в десакрализованном мире, в котором отпадает трансцендентная вертикаль, в котором исчезает само представление о том, что человек есть творение Божье, и только в силу этого он обладает определённым достоинством и равенством со всеми остальными, ничего иного не остаётся. Из этого просвещенческого представления о том, что человеку присущ набор неотчуждаемых прав, и рождается радикальная политическая программа свержения «старого режима». Представление о человеке как о носителе неотчуждаемых прав влечёт за собой радикальные политические решения, революционные решения. Прежний порядок попадает под подозрение именно потому, что он является формой угнетения человека. Если в Средневековье никому не приходило в голову на основе того, что существует реальное социальное неравенство, делать вывод о необходимости политической революции, то теперь такая необходимость логически выводится из представления о том, что есть человек со своими неотчуждаемыми правами.

В то же время не будет лишним отметить, что в Средневековье классики западноевропейской схоластики и даже святые Католической церкви (например, Фома Аквинский) прямо утверждали право народа на свержение государя в том случае, если он превращается в тирана. Это значит, что в самой христианской традиции уже были заложены два ключевых момента: отношение к каждому человеку как к

равному на том основании, что каждый человек есть творение Божье, и право каждого человека и всех вместе как народа, в случае, если государь превращается в тирана, восстать против него. Станным образом эти два представления были перенесены в постфеодальную, постсредневековую просвещенческую эпоху, но перенесены с совершенно противоположным смыслом. Потому что, если в традиции христианского Средневековья говорилось о достоинстве человека, связанном, прежде всего, с его божественным происхождением, и отношение к государю как к тирану основывалось именно на том, что государь забывал заповеди Божьи (а государь в средневековом представлении был вдвойне ответственен за свою власть и перед Богом, и перед народом), то в перевёрнутой логике Просвещения всё происходит наоборот. «Бога нет — всё позволено». Вот эта знаменитая формула, выраженная Достоевским, формула, отражающая логику Просвещения и означающая, что во имя человека, который обладает неотчуждаемыми правами, может быть совершена социально-политическая революция.

Именно это и происходит в 1789 году во Франции, в результате чего появляется официальный документ, который впервые в человеческой истории фиксирует права человека и гражданина. И в этом глобальный смысл Великой французской революции. Это действительно глобальный гуманистический переворот, первое официальное признание того, что есть человек, ради которого всё можно (и должно) делать. Во второй статье «Декларации прав человека и гражданина», которую Учредительное собрание Франции приняло 26 августа 1789 года, говорится: «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». В представлении просветителей, которые идейно подготовили Великую французскую революцию, это квадрига базовых человеческих прав. Признание этих прав знаменует собой рождение проекта либеральной демократии.

Либеральная демократия — композиция из двух составляющих: первое — это признание свободы личности и гарантия её прав, второе — это власть большинства. Можно сформулировать иначе: либеральная демократия — это власть народа, а сам народ реализует свою власть через решение большинства, как это обосновано в трактате Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре», одном из ключевых документов просвещенческой эпохи. Знаменитый парадокс Руссо заключается в том, что если большинство принимает решение, то оставшиеся в меньшинстве должны принять это решение как своё собственное. Потому что, если люди заключили общественный договор, образовали общественный союз, значит, они делегировали свою личную волю тому, что называется «общая воля». А общая воля, воля народа — это не просто «глас Божий», это то, что никогда не ошибается. И если кто-то оказался при голосовании в меньшинстве, то он должен себя уговорить, должен осознать, что он реализует свою свободу не в том, что будет протестовать против решения большинства, а в том, что свободно ему подчинится как своему собственному. А если человек не подчинится, то, как пишет Руссо, суверен (то есть народ, то есть большинство) заставит его быть свободным! Иными словами, в первоначальном проекте либеральной демократии меньшинство должно подчиняться не потому, что оно подчиняется силе, а потому, что оно подчиняется своей собственной воле, делегированной общей воле. Такая казуистика, однако, мало кого реально убеждает, потому что человек, проигрывая, оказываясь в меньшинстве, всё равно чувствует, что подчиняется он не своей воле, а воле, навязываемой ему. Но Руссо изобрёл этот парадокс именно для того, чтобы легитимировать сам порядок — либеральную демократию, которая должна править и должна защищать права человека и, прежде всего, его свободу с помощью механизма голосования большинства.

Почти сто лет такой механизм государственного устройства неуклонно набирал силу. В это время в ведущих западных государствах, таких как Франция, Великобритания и США, мы видим укрепле-

ние этого либерально-демократического порядка. Конечно, его электоральная база была тогда минимальна. Скажем, в Великобритании в конце XVIII века реальными избирательными правами обладали только 3% населения. В самой Франции на протяжении XIX века далеко не всё ясно с республикой, потому что постоянно происходят перевороты: то республика, то империя. Но тем не менее восходящий тренд либеральной демократии очевиден. Гражданская война в Соединённых Штатах не случайна: она начинается из-за нежелания южных штатов провести освобождение рабов-негров (используя терминологию того времени). Гражданская война в Соединённых Штатах показывает, что во имя торжества либерально-демократического порядка можно посягнуть на определённую политическую традицию и даже подвергнуть риску гибели само государство.

Этот восходящий тренд завершается к концу столетия, и первый кризис либеральной демократии приходится на конец XIX — начало XX века. В это время появляются новые политические проекты, в которых вся аксиоматика либеральной демократии радикально пересматривается. Всё, что раньше было несомненно, а именно: что общество — это сумма индивидов, что политический режим должен быть построен на принципе «один человек — один голос», что править должно большинство по итогам всенародного голосования — всё это подвергается сомнению. И в новой фазе западноевропейской истории происходит своеобразное возвращение к принципам средневеково-феодального порядка. Сама идея, что человек всё-таки обладает неотчуждаемыми правами, не отменяется, но в то же время появляется тезис о том, что *правильное* государство должно использовать другой механизм принятия решений. Этот механизм должен учитывать то, что каждый человек живет в определённом социальном окружении, принадлежит к определённой социальной группе, к определённому классу или корпорации, то есть что человек — это не социальный «атом», а скорее — часть, если угодно, социальной «молекулы». И для того чтобы получить сбалансированный политический результат,

нужно, чтобы человек как политический субъект представлял не сам себя, а свою общину, свою социальную группу. Так появляются проекты, которые предлагают устройство государства по принципу корпоративизма.

Фашизм возник как государственный проект, основанный на том, чтобы заменить либеральную демократию корпоративной демократией, заменить представительство индивидов представительством социальных групп. Впоследствии, по итогам фашистского движения в Италии и главным образом национал-социалистического движения в Германии, термин «фашизм» приобрёл более широкий и однозначно негативный смысл. Но сама идея фашистского (то есть корпоративного) государства первоначально родилась в левой, анархо-синдикалистской среде, из которой и вышел лидер итальянского фашизма Бенито Муссолини.

Ещё одним конкурентом либерально-демократического проекта (самым радикальным конкурентом) стал марксизм, в особенности его российская, ленинская версия, согласно которой не только монархия, но и «буржуазная демократия» (читай — либеральная демократия) должна быть заменена новой формой государственности — диктатурой пролетариата. Применительно к России начала XX века это означало, что власть меньшинства (поскольку пролетариат в России был, даже по признанию самих большевиков, очевидным меньшинством) легитимировалась исключительно на основе того, что она является инструментом свержения предыдущего несправедливого строя.

Третий конкурент либеральной демократии — это евразийство, потому что первые евразийцы — русские эмигранты (Трубецкой, Савицкий, Карсавин и др.), начиная с 20-х и до середины 30-х годов, разрабатывали проект так называемой *демотии*. Этот термин обозначал такой режим, который основывался бы на делегировании прав через те или иные социальные группы и включал бы в себя так называемый «евразийский отбор», то есть предполагал особую правящую элиту.

Итак, существовало три формы государственного устройства, которые можно считать конкурентами либерально-демократического проекта: *фашизм* (выросший из анархо-синдикализма), марксистско-ленинская *диктатура пролетариата* и русское постреволюционное *евразийство*. Их возникновение в виде идей и конкретных политических практик (фашизм и коммунизм) знаменует первый кризис либеральной демократии, который завершается с окончанием Второй мировой войны новым консенсусом, который можно назвать либерально-коммунистическим, поскольку он выражается в новой «Декларации прав человека» — знаменитой декларации ООН от 10 декабря 1948 года, которую подписал в том числе и СССР.

Декларация прав человека 1948 года основывается на французской декларации 1789 года, но содержит уже не 17, а 32 статьи, и дополняется новым содержанием: гарантией социальных прав человека и очевидным антиколониальным политическим подтекстом. Важно отметить появление в этой декларации нового понятия, которого не было во французской декларации, но которое там подразумевалось, — человеческое *достоинство*. То, что радикально отличает мир после Великой французской революции от мира средневеково-феодального, — это смена представления о том, чем обладает человек. Корпоративный средневеково-феодальный человек обладает честью, а человек современный обладает достоинством. Эта знаковая и значимая перемена в определении базового качества человека является ключевой для понимания второго кризиса либеральной демократии, который связан с современными формами феномена власти меньшинства, или, если говорить точнее, власти меньшинств.

Начало второго кризиса приходится на середину 60-х годов прошлого века, когда в США разворачивается массовая кампания за гражданские права, которая словно бы повторяет события столетней давности. Конечно, до реальной гражданской войны в США дело не дошло, но острый этно-социальный конфликт был налицо. Одно только убийство Мартина Лютера Кинга явно об этом свидетельству-

ет. Этот конфликт наложился на движение контр-культуры (хиппи), на массовые протесты против войны во Вьетнаме и на так называемую «революцию кампусов» (массовые беспорядки в студенческих городках американских университетов). В Европе был собственный аналог американских событий — «Парижская весна» 1968 года, с её погромами, столкновениями с полицией и массовыми беспорядками. Поводов для столь массовых возмущений и протестов против самой модели либеральной демократии было много, и они были разные. Но в целом всё сводилось к тому, что внутри современного западного общества проявились группы, воспринимающие себя как *угнетённые* меньшинства и поэтому декларирующие за собой право требовать признания от большинства своих особых и законных прав. Будь то (в прежней терминологии) «негры» в США, или мусульманские общины в Западной Европе, или представители нетрадиционных сексуальных ориентаций — повсюду суть протеста одна и та же: «Признайте за нами права на особую идентичность!» Более того, поскольку раньше меньшинства угнетались от имени большинства, то само большинство теперь не должно иметь морального права на власть.

В Соединённых Штатах это угнетающее большинство было обозначено предельно конкретно — WASP. Четыре буквы, которые по-английски означают White Anglo-Saxon Protestant (белые англосаксонские протестанты). Против них в США в 60-е годы прошлого века и началось то, что один исследователь назвал «восстанием меньшинств». Прежде всего, «цветных» меньшинств, которых с той поры требовалось называть афроамериканцами. За ними последовали те, кто представлял радикальный феминизм, — защитники прав женщин, которые тоже считали себя угнетённым меньшинством. И, наконец, это группы, которые впоследствии объединились в сообщество, обозначаемое аббревиатурой LGBT. Таким образом, мотивацией и лозунгом протестов стали антирасизм, феминизм и защита прав сексуальных меньшинств. Этот второй кризис либеральной демократии образует основу нашей сегодняшней политической ситуации. Нашей, потому

что он влияет в том числе и на наш внутрироссийский культурно-ментальный контекст.

Ситуация, которая разворачивается в странах Запада, ставит под вопрос выживаемость самого проекта либеральной демократии. Дело в том, что этот новый вызов, с одной стороны, имеет в своей основе культурно-философский фундамент постмодернизма, а с другой — несёт в себе чисто политическое приложение. Из него рождается новая политическая стратегия — мультикультурализм, который можно считать серьёзным оппонентом либеральной демократии. Мультикультурализм представляет собой *как бы возвращение* в тот средневеково-феодальный порядок, когда каждый человек рассматривается исключительно в контексте своей социальной и в данном случае «культурной» группы. В соответствии с этой идеологией, если человек принадлежит к сообществу ЛГБТ, то он уже не такой человек, как все остальные: он другой и имеет право настаивать на том, чтобы его уважали в его инаковости. Инаковость сама по себе становится ценностью. Когда говорят о проведении так называемых гей-парадов, используют неправильную терминологию: здесь имеется в виду не гей-парад (англ. *gay parade*), а гей-прайд (англ. *gay pride*), потому что *pride* — это гордость, а *gay pride* — это гордость геев. Это группа, которая гордится тем, что она особая, иная. Смысл мультикультуралистской стратегии — это не просто возвращение средневекового представления о том, что человек обладает корпоративной идентичностью, но и наделение этой идентичности, какова бы она ни была, особой, уникальной, неповторимой ценностью. Таким образом, происходит распадение социума на множество сообществ, каждое из которых обладает своей собственной идентичностью. Это та реальность, в которой сегодня живет американский и в несколько меньшей степени — западноевропейский мир. Вызов мультикультурализма современному либерально-демократическому порядку состоит в том, что необходимо как-то согласовать интересы большинства и огромного множества социальных групп, каждая из которых считает себя носи-

телем неотчуждаемого достоинства и неотчуждаемого права утверждать свои ценности в обществе.

Были испробованы разные модели. В США проводилась (фактически проводится и сегодня) политика, обозначаемая по-английски как affirmative action — утвердительное действие. В Великобритании аналогичная политика называется positive discrimination, то есть позитивная дискриминация. Есть на эту тему такая (по нормам мультикультурализма, некорректная) шутка: «Лучший вариант быть принятым на работу в США — быть негритяжкой, лесбиянкой и ещё одноногой, тогда на любую работу ты первый кандидат». Но ситуация эта совсем не шуточная. Ведь у мультикультуралистского движения, безусловно, есть своя социальная правда, потому что суть легитимации мультикультурализма заключается в том, что утверждается не просто право каждого на обладание уникальной, неповторимой идентичностью, но и акцентируется внимание на том, как представители данной социальной группы испытывали гнёт общества в прошлом, то есть главный пафос мультикультурализма — это борьба за справедливость. Это борьба культурных групп, которые в прошлом подвергались репрессиям за то, что они были носителями этой своей идентичности. Это женщины, которых угнетали, обрекали на узкий круг жизни внутри треугольника «дети–кухня–церковь», лишали избирательных прав. Это, конечно, афроамериканская община, которая в США начинала с рабского положения. Это, естественно, ЛГБТ. Известно, что долгое время гомосексуализм считался, а в некоторых культурных традициях продолжает считаться уголовным преступлением. «Восстание меньшинств» позиционирует себя как моральное восстание. Меньшинства — это не просто некие фрики, которые хотят навязать большинству, «нормальным людям», свои правила и принципы. Мультикультурализм настаивает на том, что обязанность большинства, «комфортного большинства», которое ни в чём никогда не подвергалось притеснению, — признать права этих *иных* людей и сознательно предоставить им определённые привилегии. Например, скорректи-

ровать механизм традиционной демократии и принимать решение не потому, что так будет лучше для большинства, а потому что оно будет проявлением сочувствия прежде угнетённым, даст им возможность сегодня обладать реальной властью.

Современная ситуация, вызванная вторым кризисом либеральной демократии, ставит перед западным обществом три серьёзные проблемы. Первая — это несовместимость культурных ценностей и жизненных стилей разных меньшинств и коренного большинства. Характерным примером является полемика на тему паранджи и так называемого буркини (купальный костюм для мусульманок) во Франции. Маленький, казалось бы, бытовой конфликт, однако он влечёт за собой политические последствия, поскольку многие мусульманки предпочитают следовать своей традиции, платить штрафы за ношение паранджи и буркини и нагнетать таким образом социальную напряжённость, которая очень легко может перерасти в политический конфликт. Этот конфликт, в свою очередь, служит поводом для радикального исламского терроризма, потому что ИГИЛ¹ рождается именно здесь, на этой почве. Вторая проблема — легитимность власти, полученная на основе принципа большинства. Так, Дональд Трамп победил на президентских выборах в США, но оспаривание правомерности его власти, по всей видимости, будет продолжаться до последнего дня его президентского срока именно на том основании, что мобилизуются все меньшинства, единый фронт меньшинств против Трампа. Третья проблема — это снижение эффективности государственного управления. Когда наличествует такая конфликтная электоральная база, когда каждое решение оспаривается каким-нибудь меньшинством или союзом меньшинств, то государство постепенно начинает терять управляемость. Примером может служить ситуация с указом Трампа о запрете на въезд в США гражданам нескольких стран. Президентский указ мотивирован необходимостью обеспечить национальную безопасность, но он не может быть реализован, пото-

¹ Организация запрещена в России.

му что существует максимальное давление меньшинств, потому что постановления судей, оспоривших это решение, принимались именно под влиянием демонстраций расовых, этнических и религиозных меньшинств.

Сможет ли западная либеральная демократия справиться с этими серьёзными вызовами и найти способ решения этих трёх острейших проблем? В самих западных странах уверенность в этом есть далеко не у всех. Стоит только вспомнить роман самого популярного французского писателя Мишеля Уэльбека «Покорность», в котором он предсказывает победу кандидата-мусульманина на президентских выборах во Франции в 2022 году и дальнейшую исламизацию страны.

Впрочем, мультикультуралистский вызов либеральной демократии — проблема не только Запада. Мультикультурализм начинает проецироваться на весь глобальный миропорядок. Это то, что в своё время в 1993 году описывал один из замечательных современных философов-консерваторов Сэмюэл Хантингтон в своей знаменитой концепции «Столкновения цивилизаций». Он, вместо того чтобы фиксировать наступление всеобщего либерального мира или «конец истории», вопреки Фрэнсису Фукуяме, заявил, что мы вступаем в мир, в котором будут бороться между собой несводимые друг к другу цивилизации. То есть наступит плюрализм или мультикультурализм на глобальном уровне. Нынешний однополярный миропорядок завершается, причём с помощью самих же США, которые раньше претендовали на роль глобального центра, а с победой Трампа обозначают тенденцию нового американского изоляционизма. На смену идёт так называемый многополярный мир, но не исключено, что глобализированный мультикультурализм будет приводить к «глобальному беспорядку». Этот беспорядок сейчас утверждается в качестве «нового порядка» в Соединённых Штатах и в Европе. Меньшинства всё больше и больше претендуют на власть, причём не гнушаясь и такими средствами, как террор. И если этот порядок окончательно институали-

зируется в виде практики и политики целых государств, то это будет мультикультурный глобальный мир, в котором будет всё меньше порядка и будет нарастать конфликтный потенциал. Это значит (если возвращаться к средневеково-христианским истокам европейской цивилизации), что всё более актуальной будет книга, завершающая Новый Завет, — Откровение Иоанна на Патмосе.